

Традиции псалма в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой 1930-х годов

Поэты и писатели на Руси всегда отличались творческими устремлениями, основанными на убежденности, что получили они от Бога дар творческий, дар поэтический ради того, чтобы могли сами проявлять и в других пробуждать силу созидательную, очистительную, спасительную. О таких писал отец Павел Флоренский: «...художник есть чистое простое око, взирающее на мир, чистое око человечества, которым оно созерцает реальность» [1, с. 8].

«Так исторически сложилось, что в православном священстве, – пишет М. Черников в статье “Жанр молитвы в русской и английской поэзии XIX века”, – не принято было заниматься светским искусством... На Западе же это было в порядке вещей: священники издавна писали стихи, причем не обязательно на религиозные темы» [2, с. 273].

Нужно сказать, что среди служителей Церкви Христовой было немало таких, кто пытался писать стихи. Это отец Павел Флоренский, святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский, монах Гермоген, игуменья Таисия (Леушинская), монахиня Антония (Берг), монахиня Анастасия (Шерешевская) и другие. Они оказались немногими, кто поддерживал православное сознание, когда его подавляли, а впоследствии разрушали в зловещую разломную эпоху. К поэтам, оставившим яркий след в духовной жизни православных людей, с полным правом можно отнести Е. Ю. Кузьмину-Караваеву (мать Марию), поэтическое творчество которой, по словам Г. И. Беневица, «представляет собой уникальное явление в русской культуре и истории Церкви», «в душе которой, – как писал Н. Бердяев, – отразились религиозные искания и течения эпохи» [3, с. 295]. Особенностью творчества матери Марии Г. Беневиц считает «точное и яркое» воспроизведение «пройденного ею духовного пути, установку на соединение христианства и творчества» [4, с. 82]. К сожалению, духовные стихи матери Марии являются малоизученным компонентом русской культуры первой половины XX века.

Это можно объяснить тем, что духовные стихи не могли быть в центре внимания советского литературоведения. Кроме того, многие воспоминания ее современников опубликованы на французском языке и до сих пор не переведены и не изданы в России. И лишь в 90-е годы XX века усилился интерес к личности «мятежной монахини», а позднее – к ее творчеству. В настоящее время ученые, публицисты пытаются вписать имя Матери Марии в антологию русской поэзии XX века. Это такие исследователи, как Е. Богат, А. Н. Шустов, С. Кайдаш, Е. Н. Микулина, Е. Эткинд и др. В работах указанных авторов поэзия Е. Ю. Кузьминой-Караваевой рассматривается или в контексте религиозной поэзии, или исключительно в патриотическом ключе.

В данной статье мы попытаемся выявить традиции псалмов и их стихотворных переложений в поэзии Е. Ю. Кузьминой-Караваевой 1930-х годов и ответить на вопрос: можно ли говорить о самостоятельных лирических произведениях матери Марии, написанных в традиции жанра, или это парафразы сакральных текстов, стилизации, подражания образцу?

Поэтичная и талантливая книга псалмов Давида – одна из самых лирических в мировой литературе. Традиции переложения библейских текстов широко распространены как в русской, так и в мировой словесности. Как правило, литература имела дело с двумя формами обращения к библейским текстам: переложение какого-либо фрагмента псалма или подражание образцу. Чаще всего, по мнению Т. А. Ложковой, «библейский оригинал привлекает к себе внимание художника идеями, мотивом, отдельным образом, которые далее разрабатываются с заметной долей самостоятельности» [5, с. 342]. Проявление индивидуальности ощущается и в древних псалмах. Так, при сравнении изображения врагов и отношения к ним в псалмах 4, 79 и 136 видна разница авторских позиций: один верит в помощь Бога, другой считает свое положение безысходным, третий ненавидит врагов и призывает к их гибели.

Тем интереснее увидеть, как не только поэт, но и монахиня (Е. Ю. Кузьмина-Караваева в 1932 году принимает постриг) будет обращаться к сакральным текстам. Нужно отметить, что мать Мария (такое имя она получила в честь святой Марии Египетской) особым образом понимала монашеское служение – не как аскезу, умерщвление плоти и духовное совершенствование, а как монашество в миру. В 1930-е годы мотив Богоискания стал основным в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Стремясь к новому типу монашества, не только созерцательно-му, но активному, она «отвечала на мучительные запросы мира, на муку мира» [6, с. 18]. Деятельная любовь – вот что стало главным делом ее

жизни после пострига: «...отдача души не для того, чтобы этим приобрести ее как бы с процентами... Не акт во имя свое, а акт во имя ближнего, и только во имя его...» [7, с. 369].

Совершенно естественно обращение матери Марии к Псалтири, по-разительной книге песнопений, отвечающей на все проявления жизни. Псалмы как отправной материал могли стать для монахини источником вдохновенного разговора с Богом...

Для данного жанра характерен определенный круг тем: величие и красота созданного мира, славословие Бога: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» [8, с. 199] [Пс 33:2], протест против несправедливости мирового устройства, борьба Добра и Зла: «Боже мой! Я вопию днем – и Ты не внемлешь мне, ночью – и нет мне успокоения» [Там же, с. 178] [Пс 21:3]. Некоторые псалмы начинаются с выражения безысходного отчаяния, но в конце часто звучит надежда, ведь вера в Бога не терпела обмана: «Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня... Я же воззову к Богу, и Господь спасет меня» [Там же, с. 239] [Пс 54:5, 17]. Поддержку в Псалтири могут найти и гордые, и одинокие, разочарованные и обуреваемые сомнениями, благочестивые и падшие духом. Сложно поделить псалмы на некие тематические группы – получится столько же частей, сколько и псалмов. Но, обращая внимание на преобладающий характер содержания, их условно можно поделить на три группы. Первую составят хвалебно-благодарственные, в которых выражается благоговение перед Богом, благодарение за различные Его дары. Сюда относятся все псалмы с надписанием «песнь», «аллилуйя», «хвала» и «во исповедание». Насчитывается 55 таких псалмов. Вторую группу составляют молитвенные псалмы, в которых авторы обращаются к Богу с какими-либо прошениями, или с «воплями» о помощи и заступлении, или с выражением глубокой печали о развращении мира. Внешним отличием таких псалмов служат молитвенные воззвания: «Господи помилуй!», «Господи, спаси, вонми, услыши» и др. К третьей группе относятся учительные псалмы, основным содержанием которых являются размышления по поводу обстоятельств личной жизни автора или жизни народа. К ним принадлежат все псалмы с надписанием «учение».

В книге Е. Ю. Кузьминой-Караваевой «Стихи» (1937) мы не найдем прямых переложений псалмов, хотя содержание лирических стихотворений напрямую соотносится с тематикой сакральных текстов и их композицией.

Традиционно псалмы начинаются с обращения к Всевышнему в форме второго лица: «Услышь, Господи, слова мои...» [8, с. 150] [Пс 5:2], «Господи Боже мой!» [Там же, с. 153–154] (Пс 7:2), «Господи!» [Там же, с. 207–208] [Пс 37:2], «Велик Господь...» [Там же, с. 227] [Пс 47:2] и т. д. Также и большинство стихотворений матери Марии 1930-х годов сохраняет эту композиционную особенность канонического текста, начало которого есть обращение к Богу: «Бывший в начале, приемли хвалу...», «Господь всех воинств, Элогим...» [6, с. 118], «О, Боже...» [Там же, с. 126], «Ты, Господи Иисусе...» [Там же, с. 136].

Центральную часть псалма составляют стихи-молитвы, восхваления, проникнутые глубокой верой в Бога и любовью к нему. Святой Афанасий Великий говорил: «Книга псалмов, кажется мне, ясно и подробно изображает всю жизнь человеческую, все состояния духа, все движения ума, и нет ничего у человека, чего бы она не содержала в себе» [8, с. 138]. Святой Иоанн Златоуст отмечал: «Каждое слово там заключает в себе беспредельное море мыслей» [Там же, с. 138]. Так и стихи матери Марии пророчествуют, наставляют, утешают, учат не завидовать, не впадать в отчаяние.

Псалтирь есть произведение многих авторов и состоит из 150 песней, из которых каждая – цельное и законченное лирическое произведение. Но несмотря на предельную искренность изложения того, что чувствовали сами авторы, особенности лирических героев нивелированы, размыты, сводятся к единому родовому понятию «Человек». Таким образом, псалмы закрепляют, по мнению Т. А. Ложковой, «типовые эмоциональные реакции на типовые бытийные ситуации» [5, с. 342]. И хотя во многих своих стихотворениях лирическая героиня Е. Кузьминой-Караваевой также не отделяет себя от мира людей, соотечественников: «...И мы за гранью вещества...» [6, с. 119], «...Все мы – ничтожность и малость...», «...Братья, братья мои, человеки...» [Там же, с. 140], читатель чувствует предельную искренность, открытость; лирическая интимность в стихотворениях «мятежной монахини» доведена до предела.

Сопоставим псалом 114 [8, с. 358] и стихотворение «Каждая мышца свинцом налита...».

(Аллилуйя)

1. Я радуюсь, что Господь услышал голос мой, моление мое.
2. Приклонил ко мне ухо Свое, и потому буду призывать Его во все дни мои.
3. Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня; я встретил тесноту и скорбь.

4. Тогда призвал я имя Господне: Господи! Избавь душу мою.
5. Милостив Господь и праведен, и милосерд Бог наш.
6. Хранит Господь простодушных: я изнемог, и Он помог мне.
7. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя.
8. Ты избавил душу мою от смерти, очи мои – от слез и ноги мои – от преткновения.
9. Буду ходить пред лицом Господним на земле живых [Пс. 114].

Каждая мышца свинцом налита.
Крылья... Но крыльев давно уже нету.
Пасет мою душу бичом суета,
Неистово гонит кругами по свету.

Ничтожная, нищая, ну-ка, пляши,
Оденься в восторги и лги о заветах,
Сегодня покаяйся, а завтра греши
И повторяй себя в песнях пропетых.

Каким бы тебя раскаленным клеймом
Достойно, позорно навеки отметить,
Каким бы сковать твою шею ярмом
И истрепать на спине твоей плети.

Пригнись. Иль не слышишь, – вон Некто идет,
Который не числит даров и не мерит,
Он грех умерщвляет и горе берет,
Бескрылых кидает в надзвездный полет,
Рождается снова в пастушьей пещере.

Не надо усилий. Сама Благодать
Окамененное сердце растопит.
Я даже не смею его призывать,
Но Сам Он призывами душу торопит [6, с. 154].

114-й псалом относят к хвалебно-благодарственным. То чувство радости, которое выражает автор, показывает, что написан он после получения помощи от Господа: «избавил душу... от смерти, очи... – от слез, ноги – от преткновения». Певец благодарен Господу за то, что тот услышал его мольбы о помощи. Инверсия, которую использует автор, усиливает впечатление от гнетущих обстоятельств, придает больше экспрессии: «...болезни смертные, муки адские...», а также выполняет ритмообразующую функцию, усиливая мелодику речи. Шестой стих представляет собой предложение с разными видами связи, в котором сочинительная связь указывает на быструю смену событий: «...я изнемог, и Он помог мне». Так создается впечатление о чудесном быстром исцелении, взамен которому певец будет служить Ему своей жизнью.

Лирическая героиня стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой также ждет избавления от душевных страданий. Но герой псалма лишен внутренних противоречий; Господь исцелил его недуг и оставил его среди живых на земле. Лирическая героиня стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой внутренне расщеплена: ее душа стала пленницей плоти, тяжелой, как свинец, она мечется по кругу под бичами «суеты». Вторая строфа содержит презрительное обращение лирического субъекта к собственной душе – «ничтожной, нищей»; третья строфа исполнена проклятий и гнева в адрес души. Таким образом, первая половина стихотворения звучит как покаяние, самобичевание. Финал же выражает веру в благой суд Духа над душой: несмотря ни на что, ей будут дарованы крылья для надзвездной выси. Чудо здесь – не милостивый ответ на просьбу об исцелении, а чудо-парадокс, чудо безграничной любви, награда без просьбы и не по заслугам.

Канонический текст имеет оптимистическое звучание. В стихотворении матери Марии усилен мотив богооставленности, духовного томления лирического субъекта, обнаженной тоски о Боге; это вопль души, измученной тоской по России, что вносит в стихотворение трагическое начало, предчувствие близкого конца:

Я даже не смею Его призывать,
Но Сам Он призывами душу торопит.

В других стихотворениях этого периода продолжает звучать тема богооставленности:

Убери меня с твоей земли,
С этой пьяной, нищей и бездарной,
Боже силы, больше не дремли,
Бей, и бей, и бей в набат пожарный.

Господи, зачем же нас в удел
Дьяволу оставить на расправу?
В тысячу людских тщедушных тел
Влить необоримую отраву?

И не знаю, – кто уж виноват,
Кто невинно терпит немощь плоти, –
Только мир Твой богозданный – ад,
В язвах, в пьянстве, в нищете, в заботе.

Шар земной грехами раскален –
Только гной и струнья, – плоть людская.
Не запомнишь списка всех имен,
Всех, лишенных радости и рая.

От любви и горя говорю, –
Иль пошли мне ангельские рати,
Или двери сердца затворю
Для отмеренной так скупой благодати [6, с. 133].

В этом стихотворении усиливаются протестные интонации лирической героини. Мать Мария обращается к Богу с прямыми обвинениями в том, что оставил детей своих «Дьяволу... на расправу» в мире, похожем на Ад.

В псалме 79 [8, с. 290] читаем:

5. Господи Боже Сил! Доколь будешь гневен к молитвам народа твоего?
6. Ты напитал их хлебом слезным и напоил их слезами, в большой мере.
11. Горы покрылись тенью...
14. Лесной ведрь подрывает (землю), и полевой зверь объедает ее.

Автор псалма также упрекает Всевышнего в неисполнении прошений, выраженных в молитвах, в отсутствии просвета в жизни, которая только несчастьями осыпана. Но в конце псалма вновь поется слава Господу: «...да воссияет лице Твое, и спасемся!»

Певец предлагает через преодоление непонимания и обид установить дружеские, родственные, семейные отношения с Богом. Поскольку Бог – Отец наш, то, как к близкому человеку, к нему можно обратиться с обидой, с упреком, но без ропота и без хулы, так как это в христианском мире считается страшным грехом. Эпически-спокойный тон псалма сменяется в стихотворении матери Марии взволнованно-обличительными интонациями: звучит упрек Богу, оставившему «невинных» на адские земные страдания. Катастрофичность мира приобретает вселенский масштаб: «...тысячи людских тщедушных тел...», «...не запомнишь списка всех имен, / Всех, лишенных радости и рая». Богоборчество «мятежной монахини» достигает предела в вызове, в условии, которое ставит она перед Господом: «...иль пошли мне ангельские рати, / Или двери сердца затворю...» Это протест, но протест «от любви и горя». Так рождается в стихотворении еще один мотив – мотив жертвенности: «Убери меня с Твоей земли...», но взамен не лишей всех «радости и рая». Такая любовь к ближнему – истинная любовь. Она «есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо... Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою», – писал великий русский философ И. А. Ильин в статье «О русской идее» в 1951 году [9, с. 248].

Выше уже отмечалось, что Псалтирь – произведение нескольких авторов, безусловно, искренних в излиянии чувств, но чувства эти сродни

чувствам тысяч других. В отличие от канонических псалмов, в стихотворениях матери Марии молитвенное высокое звучание часто связано с событиями личной жизни и глубоко интимно:

Принимаю Твоей же силой
И кричу через силу: «Осанна!»
Есть бескrestная в мире могила,
Над могилою надпись: Гаяна.
Под землей моя милая дочь,
Над землей осиянная ночь.
Тяжелы Твои светлые длани,
Твою правду с трудом принимаю.
Крылья дай отошедшей Гаяне,
Чтоб лететь ей к небесному раю.
Мне же дай мое сердце смирять,
Чтоб тебя и весь мир твой принять [6, с. 148].

Образы могилы, земли, ночи связаны с мотивами смерти, тоски и материнского страдания (в это время у Е. Ю. Кузьминой-Караваевой в России умирает старшая дочь Гаяна, а в 1926 году она уже потеряла младшую дочь Настю). Но несмотря на безмерное горе, она готова принять Бога, и это порыв явный, страстный: «Принимаю... / И кричу через силу: “Осанна!”» (В отличие, например, от А. Блока, отказывающегося от Бога в стихотворении «На смерть младенца»). Таким образом, монашество матерью Марией понимается как победа над смертью, возвращение к Небесному Отцу детей, «заблудшихся на всех дорогах мира» [Там же, с. 125]. Материнское сердце монахини готово принять на себя беды и страдания всех своих соотечественников:

Ты дал мне право, – говорю, как мать,
И на себя приемлю их соблазны [Там же].

И только одного мне жаль, –
Что сердце мира не вмещает [Там же, с. 179].

Таким образом, сопоставляя тексты Псалтири и стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, написанные ею после принятия монашества в 1930-е годы, можно сделать вывод, что произведения матери Марии не являются переложениями сакральных текстов, хотя в них сохраняется стиливая окраска псалмов (высокий пафос достигается сохранением канонических обращений-формул, восходящей градацией эпитетов, синтаксическим параллелизмом и анафорами, старославянизмами и библеизмами; инверсии, аллитерации и ассонансы придают текстам напевное, молитвенное звучание). Мать Мария не подражает образцам, потому что

ощущает канон «изнутри» как естественный способ лирического самовыражения. Она *продолжает* древнюю традицию, насыщая жанр обостренной эмоциональностью человека катастрофического XX века. Наиболее актуальным для нее стал молитвенный псалом. Традиция жанровой формы псалма помогает лирической героине найти силы для перенесения жизненных невзгод, позволяет оценить конкретно-исторические обстоятельства с обобщенно-философских позиций и, наконец, становится способом саморефлексии, средством восстановления «нравственного императива» в собственном внутреннем мире.

-
1. *Флоренский П.* Слово и Дух : антол. рус. духов. поэзии. Минск, 2005.
 2. *Чернышов М.* Жанр молитвы в русской и английской поэзии XIX в. // Проблемы жанра и стиля в литературе : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004.
 3. *Бердяев Н.* Русская идея // Русская идея : сб. произв. рус. мыслителей. М., 2004.
 4. *Беневич Г.* Мать Мария. СПб., 2003.
 5. *Ложкова Т. А.* Система жанров в лирике декабристов. Екатеринбург, 2005.
 6. *Кузьмина-Караваева Е. Ю.* Равнина русская: Стихотворения и поэмы. СПб., 2001.
 7. *Мать Мария (Кузьмина-Караваева Е. Ю.).* Религиозно-философские сочинения. СПб., 2001.
 8. Толкование Библии, или комментарий на все книги святого писания. Стокгольм, 1987.
 9. *Ильин И. А.* О русской идее // Русская идея. М., 2004.

А. М. Тананыкина
г. Волгоград

Танатологические образы в лирике И. Ф. Анненского

Иннокентий Федорович Анненский оставил обширное литературное наследие, но, к сожалению, его бесценные труды так и не были окончательно признаны читателями и критиками при жизни поэта. Поэзию И. Ф. Анненского начинают по-настоящему ценить лишь после его смерти, когда сама личность поэта мифологизируется, культивируется в литературных кругах, и многие художники слова признают его своим настав-